

Т. В. Белецкая

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОУБИЙСТВА КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

Осуществлен анализ теоретических предпосылок исследования самоубийства как социального феномена. Анализируются социальные основания самоубийства в концепциях Э. Дюркгейма, Р. Мертона, А. Шопенгауэра и Э. Фромма. Охарактеризованы методологические принципы исследования самоубийства как социальной практики в социологическом дискурсе.

This article analyses the theoretical framework of studying suicide as a social phenomenon. The author examines the social grounds for suicide in the concepts of E. Durkheim, R. Merton, A. Schopenhauer, and E. Fromm and described the methodological principles of studying suicide as a social practice in the sociological discourse of deviant behavior.

Ключевые слова: самоубийство, социология девиации, отклоняющееся поведение, социальная норма.

Key words: suicide, sociology of deviance, deviant behavior, social norm.

Самоубийство как индивидуальный или групповой поведенческий акт всегда интересовало представителей гуманитарного знания.

Самоубийство представляет собой сложнейший феномен, подвергающийся всестороннему анализу в гуманитарных науках. В ходе исторического развития менялось отношение к самоубийству в различных обществах. Также претерпевали трансформацию и научные попытки его исследования.

В рамках философского подхода самоубийство изучается как качественный поступок исходя из категорий морали и нравственности. При этом суицид понимается как сугубо негативное явление, несущее в себе угрозу существованию человеческого социума как такового. Так, И. Кант считал, что совершение самоубийства противоречит «долгу человека перед самим собой» [1, с. 355], что «уничтожать в своем лице субъекта нравственности — это то же, что искоренять в этом мире нравственность в самом ее существовании» [1, с. 359]. Самоуничтожение противоречит установленному И. Кантом категорическому императиву, ибо если и возможно оправдать данное деяние перед самим собой, то совершенно невозможно представить, чтобы оно являлось всеобщим законом, оно несовместимо «с идеей человечества как цели самой по себе» [2, с. 269].

Осуждение самоубийства присуще и обыденному сознанию, что выражается в его оценках общественным мнением. Имеющиеся исключения лишь подтверждают общее правило и характеризуют специфику отдельных национальных культур. Конечно, возможно и одобрение суицидов в отдельных обществах, как, например, в Японии, что связано с культурными особенностями социальной среды, сакрализацией самого деяния и рядом других причин. Тем не менее представляется, что наиболее утвердившаяся общегуманистическая позиция социального анализа самоубийства исходит именно из посылки о крайне деструктивном характере данного феномена, так как в конечном счете уничтожение самого себя есть уничтожение базового элемента социальной системы.

Возникновение социологии, наследование ею многих теоретических построений социальной философии свидетельствовало о формировании нового уровня выявления различных аспектов социальных явлений, включая, естественно, и суициды, суицидальное поведение. О. Конт утверждал, что на позитивном уровне развития человеческого знания следует в полной мере использовать категории, выработанные метафизикой, т.е. философией, в том их значении, которое актуально на данный момент действительности [3, с. 553–556]. Именно поэтому в качестве фундамента социального анализа было установлено ценностное восприятие самоубийства как отрицательного явления.

Несмотря на то что в определенных случаях в силу каких-либо смягчающих причин самоубийство может рассматриваться как проявление мужества и самопожертвования, в количественном измерении рост суицидов всегда есть угроза стабильности социума. Так, П. Сорокин подчеркивал, что изучение самоубийства «необходимо еще и потому, что оно может иметь весьма важные последствия для практических целей: число самоубийств с ростом культуры и цивилизации растет настолько быстро, что становится какой-то эпидемией, угрожающей всему обществу вообще и каждому из его членов в частности» [4, с. 104].

Соответственно, исследование суицида с целью дальнейшего прогнозирования и превенции логично представляет собой актуальную проблему социологии, что находит отражение во множестве научных работ. Тем не менее изначально обоснование социального характера самоубийства и возможности его социологического анализа являлось сложной исследовательской задачей.

Известно, что наиболее обстоятельное введение категории самоубийства в проблемное поле социологии принадлежит Э. Дюркгейму. Выявление социальных оснований суицидов стало практическим поиском подтверждения ранее заявленных им теоретических концепций социальной солидарности и аномии.

Установление социальных оснований самоубийства исходит из представления о возможности наличия во множестве индивидуальных мотивов, приведших к самоуничтожению, некоей связи, которая может быть обнаружена, зафиксирована и подвергнута анализу. Более того, представляется, что эта связь должна быть обусловлена извне, так как внутренние стимулы совершения данного деяния не поддаются достоверному эмпирическому анализу. Достоверный смысл совершенного акта самоубийства скрыт от исследователя, который может его лишь предполагать, основываясь на собранных данных о социальном положении самоубийцы (возраст и пол, материальное и семейное положение, состояние здоровья и т.д.) и субъективных оценках мотива поступка, полученных из его ближайшего окружения (родственники, друзья, сослуживцы и т.д.). Задача, которую ставит перед собой Э. Дюркгейм, как раз и заключается в обнаружении внешних социальных причин, оказывающих влияние на суицидальную динамику.

Социология Э. Дюркгейма базируется на принципах детерминизма. Индивидуальное подчиняется социальному и им обусловлено. Однако данную характеристику учения Дюркгейма не следует абсолютизировать. Действительно, он считает, что социальные институты имеют первостепенное влияние на формирование личности, но отсюда не следует, что Э. Дюркгейм полностью отрицает субъективность. Скорее, детерминистские основания его социологизма являются методологическим принципом. Теоретические представления о наличии внешней социальной причины поступка служат посылком к ее установлению.

В зависимости от причины совершения Дюркгейм классифицировал самоубийства по следующим видам: эгоистическое, альтруистическое, аномичное. Эгоистические самоубийства вызваны ослаблением в обществе коллективных связей, «чрезмерной индивидуализацией». Снижение семейной, религиозной и политической интеграции в социуме приводит к тому, что на личностном уровне утрачивает свою значимость стремление к «общему благу» [8, с. 186]. Индивид, находясь в положении социальной изолированности, не ощущает более возможности повлиять своими действиями на сложившийся социальный порядок. Отсюда он теряет осознание социального долга и не оценивает ту угрозу социальной стабильности, которую несет в себе индивидуальный акт самоуничтожения.

В дальнейшем исследование эгоистических самоубийств было тесно связано с феноменом социального одиночества. Э. Фромм писал: «Изолированный и бессильный индивид испытывает ограничения в реализации своих чувственных, эмоциональных и интеллектуальных возможностей» [5, с. 155]. Невозможность повлиять на социальный ход событий, исключение из социальных групп, утрата значимости собственной личности в социальном аспекте приводят к тому, что самоубийство

становится «последней надеждой, если все остальные попытки снять бремя одиночества оказались безуспешными» [5, с. 133].

Следующий вид, рассмотренный Э. Дюркгеймом, — альтруистическое самоубийство, чьи причины противоположны причинам эгоистического самоубийства. Они заключаются в чрезмерном влиянии общества на индивида, когда индивидуальная воля ослабевает и уступает место социальному долгу, который может извне внушать человеку требование умереть [8, с. 201].

Особый интерес представляет аномичное самоубийство. Дюркгейм определяет его исходя из утверждения, что общество оказывает регулирующее воздействие на чувства и деятельность индивидов [8, с. 236—237]. Наличие этого регулирования является условием стабильности социальной системы. Само установление социальных институтов призвано сделать направленность человеческих действий до определенной степени предсказуемой. Индивид нуждается в четких правилах, определяющих и регламентирующих социальную жизнь. Эти правила определяются нормами, которые задает социальная система.

Резкие социальные изменения, потрясения социальной структуры приводят к тому, что старые нормы теряют свою актуальность, следование им становится невозможным — они больше не являются наилучшими принципами действия, разделяемыми всем обществом. Индивиды, социальные группы, а иногда и целые социальные слои оказываются в новых социальных условиях, осознают тотальную неэффективность существующих социальных норм и в то же время, ввиду стремительности трансформации, не успевают выработать и принять новые принципы социальной организации. Разлад заявленных норм и реальной социальной практики приводит к тому, что индивид выпадает из системы привычных действий, он не в состоянии предвидеть социальные события и реакции, что вызывает нарастающее чувство тревоги и беспокойства, приводящее к социальной депрессии и росту отклоняющегося поведения, в частности к росту самоубийств.

Таким образом, аномия у Дюркгейма — это состояние социальной среды, характеризующееся не отсутствием норм, а их дезорганизацией [8, с. 237].

Среди социальных потрясений, которые влекут за собой аномию, Дюркгейм особо выделял экономические кризисы. По его мнению, к аномии может привести как спад в экономике, так и экономический подъем. Следовательно, в экономической сфере аномия представляет собой «хроническое явление». Другим специфическим видом является «домашняя аномия», которая возникает при распаде института семьи — разводе или вдовстве [8, с. 240].

В целом концепция аномии Э. Дюркгейма близка системной теории. Возникающая на личностном уровне потребность в нормативном регулировании со стороны общества есть проявление одного из эмерджентных свойств социальной системы, описанных Т. Парсонсом. Необходимость такого регулирования определял и П. Сорокин, который видел результатом беспорядочной организации социальной среды «рост одиночества личности, ее оторванность от общества», что, в свою очередь, представляло для него главную общую причину роста числа самоубийств [4, с. 113].

В дальнейшем теория аномии Э. Дюркгейма была дополнена Р. Мертоном, который обратил внимание на то, что рост девиации характерен и для относительно стабильных обществ. Он пришел к выводу, что аномия является следствием не исключительно резких трансформаций социальной среды, а более глубоких социокультурных патологий. Главная причина неприятия норм, по его мнению, состоит в несоответствии между ценностями, задаваемыми социальными институтами, и доступностью средств их достижения. Таким образом, основным предложением Р. Мертона типологии социальных отклонений является оценка социального поведения по двум основным классификаторам, имеющим либо положительное, либо отрицательное значение: «принятие/неприятие ценности – принятие/неприятие средства достижения».

Самоубийство Р. Мертон относит к ретритизму, одному из самых пагубных проявлений девиации, при котором отрицаются как сами установленные ценности, так и методы их достижения. Р. Мертон подчеркивает, что ретритист успешно усвоил как цели культуры, так и институционализированные средства их достижения, более того, и цели и средства «получают с его стороны положительную эмоциональную и высокую социальную оценку» [6, с. 305]. Таким образом, ретритизм возникает тогда, когда индивид не в состоянии достичь желаемой цели законными путями, а незаконные средства не может принять ввиду осознания их аморальности.

Данный подход к анализу причин самоубийств можно проследить еще в трудах А. Шопенгауэра: «Совершенно бедственным и до отчаяния ужасным становится положение человека тогда, когда он ясно распознает существенную цель всего своего хотения и в то же время невозможность достигнуть ее, но при этом до такой степени не может попустить этим хотением, что, наоборот, насквозь и всецело представляет собою не что иное, как именно это хотение, неосуществимость которого он ясно видит» [7, с. 236]. Именно это осознание недостижимости желаемого подталкивает человека к крайней мере – к самоубийству.

В качестве конкретного проявления ретритизма можно привести следующий пример. Индивид, усвоив заданную обществом ценность – «честность», в силу жизненных обстоятельств сталкивается с необходимостью получения денежных средств незаконным путем (взятка, воровство). Допустим, что отказ переступить через усвоенные моральные нормы повлечет за собой серьезные последствия для индивида – болезнь, бедность, банкротство и т.д. В то же время легальные средства разрешения проблемы ему недоступны. В данном случае любая реакция, как действие, так и бездействие, одинаково мучительна и неприемлема и сопровождается чувством вины, разочарованием, депрессией, а следовательно, может стать причиной самоубийства. Более того, причина совершения суицида может заключаться в самом стремлении избежать какого-либо из предложенных вариантов действия, если индивид заранее осознает для себя, что любой выбор будет проигрышным. А. Шопенгауэр сравнивает самоубийцу с плохим игроком, который не может равнодушно принять сданные ему самой жизнью плохие карты, а «ворчливо и нетерпеливо не хочет играть дальше, бросает карты и

нарушает игру» [7, с. 232]. Р. Мертон также подчеркивает: «Пораженчество, квиетизм и самоустранение проявляют себя в психологических механизмах бегства от действительности» [6, с. 307].

В заключение можно констатировать, что представители как философии, так и классического этапа социологии, используя различные методологические практики, от детерминизма у Э. Дюркгейма до волюнтаризма у А. Шопенгауэра, приходят к сходным выводам в оценке самоубийства как социального феномена. Главным из них представляется вывод о том, что рост числа суицидов оказывается следствием глубинных нарушений социальной организации общества, которые могут проявляться как в ослаблении социальных связей между индивидами, так и в неприятии социальных норм, в регулятивной дисфункции социального поведения со стороны общества, в конфликте между заданными обществом ценностями и средствами их достижения. На личностном уровне это выражается в накоплении тревоги, беспокойства, апатии, социальной депрессии и социального одиночества, что служит психологическим стимулом к самоуничтожению как лучшему средству прервать болезненное состояние. Все перечисленные факторы в совокупности представляют основание для признания внутренней патологии социальной среды, которая имеет следствием, в частности, высокий процент совершаемых самоубийств.

Список литературы

1. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // И. Кант. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 2. С. 107–438.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Там же. Ч. 2. С. 211–310.
3. Кант И. Курс позитивной философии // Антология мировой философии. М., 1971. Т. 3. С. 553–577.
4. Сорокин П. П. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. №2. С. 104–114.
5. Фромм Э. З. Бегство от свободы. М., 1990.
6. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966. С. 299–313.
7. Шопенгауэр А. Введение в философию; Новые паралипомены; Об интересном : сб. Минск, 2000.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.

Об авторе

Татьяна Витальевна Белецкая – асп., ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: tatiana-beletskaya@yandex.ru

About author

Tatiana Beletskaya, PhD Student, Lecturer, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: tatiana-beletskaya@yandex.ru